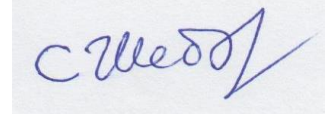

На правах рукописи

Шебалков Сергей Викторович

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ТЮРЕМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
1879–1917 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2017

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель:

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, специальность 07.00.02 – Отечественная история, профессор кафедры отечественной истории ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань)

Официальные оппоненты:

Романов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, специальность 07.00.02 – Отечественная история, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (г. Ульяновск)

Айнутдинова Лариса Махмутовна, кандидат исторических наук, специальность 23.00.03 – политическая культура и идеология (по историческим наукам), доцент, руководитель центра регионоведения и социокультурных исследований «Института татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан» (г. Казань)

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (г. Челябинск)

Защита состоится «23» ноября 2017 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 502.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, читальный зал № 1). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://www.kpfu.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

О.В. Сеницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение российской дореволюционной пенитенциарной системы предполагает обращение к проблеме содержания под стражей политических заключенных («политиков»). Представители данной категории тюремного населения составляли официально признаваемую властями и общественностью социальную микрогруппу, которая окончательно сформировалась в условиях царских тюрем и каторги во второй половине XIX в. Политзаключенных, среди которых было немало профессиональных революционеров, традиционно отличала высокая степень идейной сплоченности и непримиримость к притеснениям. Историкографические традиции изучения тюремной жизни российских революционеров формировались под влиянием многочисленных идеологических установок советского периода. В результате к сегодняшнему дню не все стороны жизни «политической тюрьмы» конца XIX – начала XX вв. оказались в должной степени изучены. Основное внимание авторов традиционно было приковано к системе отбывания каторжных работ на территории Сибири. В свою очередь, условия жизни подследственных и срочных политических узников в местах заключения общего устройства рассматривались исследователями лишь фрагментарно.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется также потребностью осмысления тюремной повседневности как социокультурного феномена. Жизнь в тюрьме всегда носит вынужденный, неестественный характер: она способствует маргинализации узников и заставляет их приспособливаться к неблагоприятным условиям внешней среды. Глобальной целью индивида в условиях тюремного заключения является психическое и физическое выживание¹. Изучение исторического опыта царской политической тюрьмы и каторги позволяет не только выявить характерные стратегии поведения политзаключенных в рамках тюремного социума, но и выдвинуть методологические основания для изучения повседневной жизни индивидов в условиях лишения свободы.

Объектом исследования в диссертации являются политические преступники, содержащиеся в российских имперских тюрьмах гражданского ведомства в качестве срочных (включая каторжан) и подследственных арестантов.

Предмет исследования – мир повседневной жизни политических заключенных, включающий бытовые и поведенческие аспекты их жизнедеятельности.

Хронологические границы работы определяются периодом с 1879 по 1917 гг., то есть с момента проведения реформы тюремного управления до свержения самодержавия в результате Февральской революции.

Территориальные рамки исследования определяются границами Европейской части России в рассматриваемый исторический период. Данная территория в начале XX в. включала полсотни губерний. На западе она простиралась до Финляндии и Царства Польского, на юге – до Кавказского

¹ Gaucher B. Punitive Justice and the Victims Movement // Journal of Prisoners on Prisons. 1998. Vol. 9, № 2. P. 4.

края, на востоке – до Западной Сибири (Тобольская губерния) и Среднеазиатских владений. В Европейской части страны существовали пенитенциарные учреждения всех установленных законом типов. Некоторые теоретические и практические аспекты темы рассматривались в том числе на материалах губерний Царства Польского, Кавказского края, а также (в незначительной степени) Сибири.

Степень изученности проблемы определяется материалами дореволюционной, советской и современной российской историографии.

В большинстве трудов дореволюционного периода вопросам тюремного общежития политзаключенных уделялось недостаточное внимание, что было вызвано закрытостью темы и цензурными ограничениями. В капитальных работах Н.М. Ядринцева и С.В. Максимова была затронута проблема арестантской самоорганизации, а также изучены традиции тюремной субкультуры². Об участии взятых под стражу революционеров нередко писали авторы, принимавшие личное активное участие в общественно-политическом движении. Примечательны работы князя П.А. Кропоткина, отличающиеся серьезным научным подходом и вниманием к вопросам психологии тюремного заключения³. В первом десятилетии XX в. появляются первые работы, посвященные истории Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей⁴.

Формирование общественного мнения по вопросам содержания под стражей политических преступников происходило под влиянием либеральной прессы. Авторы публицистических трудов откровенно сочувствовали политзаключенным и требовали для них особых условий содержания⁵. Представители консервативно-охранительного лагеря, напротив, считали, что «политики» по своему правовому статусу должны быть приравнены к обыкновенным уголовным арестантам⁶. Расходились в оценках царской политической тюрьмы и зарубежные исследователи⁷. Большинство оценок в дореволюционной традиции изучения темы было обусловлено политическими убеждениями авторов работ. Это придавало многим трудам пропагандистскую направленность и не способствовало расширению границ исследовательских интересов.

В ранний советский период рост интереса к проблемам тюремной жизни революционеров был связан с деятельностью Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Появляются издания справочного

² Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900.

³ Кропоткин П.А. В русских и французских тюрьмах. СПб., 1906; Его же. Тюрьмы, ссылка и каторга в России. СПб., 1906.

⁴ Галерея Шлиссельбургских узников. Под ред. Н.Ф. Анненского, В.Я. Богучарского, В.И. Семевского и П.Ф. Якубовича. СПб., 1907; Пругавин А.С. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб., 1909.

⁵ Тахчогло Н. Об условиях отбывания наказания политическими заключенными // Право. 1907. № 20. Стб. 1428–1432; Мякотин В.А. Строительство обновленной России // Русское богатство. 1909. № 4. С. 79–99; Пешехонов А.В. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. №№ 7–9 и др.

⁶ Николаевский Н. Тюрьма и ссылка: очерки политической и религиозной ссылки. М., 1899; Журчалю Я. Современная тюрьма и ее особенности. С инструкцией тюремным надзирателям. СПб., 1910.

⁷ Кеннан Дж. Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. СПб., 1906; Его же. Русские государственные преступники. СПб., 1906; Его же. Сибирь и ссылка. СПб., 1906; Lansdell H.D.D. Through Siberia. Vol. 1–2. London, 1882; Idem. Through Central Asia. London, 1887.

характера, содержащие сведения об участниках революционного движения⁸. Практически все труды, изданные в 1920–1930-х гг., не содержали глубокого анализа внутренней жизни политической тюрьмы. В то же время здесь подчеркивалась жесткость карательных санкций в отношении «политиков», а тюремный режим характеризовался как антинародный⁹. Особняком стоит работа М.Н. Гернета, посвященная психологии тюремного заключения¹⁰. В ней исследовалась внутренняя специфика тюремного пространства и времени, были затронуты проблемы арестантского общения, переписки, досуга и др. После роспуска в 1935 г. Общества политкаторжан в изучении темы наступает определенное затишье, продолжавшееся вплоть до конца 1950-х гг. Наиболее значимым трудом, изданным в этот период, стало новое пятитомное сочинение М.Н. Гернета «История царской тюрьмы»¹¹. В этой монументальной работе были рассмотрены различные стороны жизни политических арестантов на примере мест заключения Сибири и Европейской части России, а также отмечены ключевые этапы развития отечественной пенитенциарной системы со второй половины XVIII в. до 1917 г.

Начиная с 60–70-х гг. XX в. приоритетным направлением в исследованиях становится изучение сибирской политической каторги и ссылки. По данной проблематике выходят специальные тематически сборники¹². В ряде работ изучается жизнь политкаторжан Нерчинской каторги и Сахалина¹³. Напротив, жизнь политзаключенных в тюрьмах Европейской части Российской империи изучалась весьма слабо, обычно лишь в контексте функционирования карательного аппарата и пенитенциарной системы страны¹⁴. Объяснялось это тем, что в рамках сложившейся историографической традиции подследственное и срочное «политическое» заключение длительное время не выделялось в качестве самостоятельной научной проблемы. Исключением можно считать лишь внимание историков к проблемам жизни и тюремной борьбы узников Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей¹⁵. В 1980-е гг. многие труды

⁸ Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929; Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабризма до падения царизма: в 5 т. / под ред. В.Д. Виленского-Сибирякова, Ф.Я. Кона, А.А. Шилова [и др.]. М., 1927–1934.

⁹ Девятый вал: К десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки / под ред. В.Д. Виленского (Сибирякова). М., 1927; Сизов С.К. Дореволюционная тюрьма и советский исправительно-трудовой дом. Армавир, 1928; Кудрявцев Ф.А. Александровский централ: Из истории сибирской каторги. Иркутск, 1936.

¹⁰ Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1925.

¹¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1–5. М., 1951–1954.

¹² Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): Сборник. Вып. 1–12 / отв. ред. Н.Н. Щербаков. Иркутск, 1973–1991; Ссылка и каторга в Сибири. XVIII – начало XX в.: Сб. статей / под ред. Л.М. Горюшкина, М.М. Громыко. Новосибирск, 1975.

¹³ Дворниченко Н.Е. Во глубине сибирских руд. Иркутск, 1968; Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне...: Очерки истории политической каторги и ссылки (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Минск, 1971; Щербаков Н.Н. Большевики в Восточно-Сибирской ссылке (1907–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1967; Сенченко И.А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963; Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг.: Облик, организация, революционные связи. Томск, 1978.

¹⁴ Баторгин М.П. Перед судом царского самодержавия. М., 1964; Мулукаев Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Смольяков В.Г. Тюремная система дореволюционной России, ее реакционная сущность. М., 1979.

¹⁵ Узники Петропавловской крепости. Сборник статей / сост. С.М. Серпокpыл. Л., 1969; Узники Шлиссельбургской крепости. Сборник / сост. Л.Б. Добринская. Л., 1978.

выходили в форме диссертационных исследований¹⁶. Расширяется проблематика работ: больше внимания начинает уделяться психологическим аспектам тюремной жизни, вопросам взаимодействия сообществ политических заключенных с партийными комитетами на воле. В то же время труды советских авторов испытывали на себе влияние идеологической конъюнктуры. Это проявилось в стремлении историков представить царскую тюрьму как инструмент классово-политической борьбы. При этом большевикам традиционно отводилась основная роль в успехах тюремного общежития, а различные неприглядные факты последнего, как правило, замалчивались.

В постсоветский период происходит, с одной стороны, углубление уже существующих тенденций в изучении темы, а с другой – расширение ее исследовательских границ. Получают дальнейшее развитие традиции изучения сибирской каторги¹⁷. Появляются работы, посвященные функционированию отдельных тюрем, расположенных на территории Европейской части бывшей Российской империи¹⁸. Однако политическим арестантам здесь уделено минимальное внимание. Некоторые аспекты жизни политзаключенных рассматривались в трудах, посвященных общим проблемам пенитенциарной системы¹⁹. В ряде трудов изучаются нормы имперского тюремного законодательства²⁰. Новым явлением стали работы, авторы которых пытались реконструировать правила революционной этики и выяснить степень их применимости в сообществе политзаключенных. В работах К.Н. Морозова вводится понятие «субкультура российского революционера» и дается обоснование этому феномену²¹. Ученому удалось выявить зависимость

¹⁶ Дмитриев Д.И. Революционная деятельность большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1989; Михеев А.П. Борьба социал-демократического подполья Западной Сибири против террористического режима царских тюрем (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988; Плотников А.А. Сахалинская политическая каторга и ее антинародная сущность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986; Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

¹⁷ Мошкина З.В. Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Шенмайер Н.Г. Эсеры в каторжных тюрьмах Восточной Сибири 1907–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997; Бодяк М.Г. История Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги (1879–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004; Мясников Д.А. История Акатуйской тюрьмы Нерчинской каторги (1883–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; Бортникова О.Н. Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири, 1801–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2009; Максимова В.Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003 и др.

¹⁸ Власенко А.В. Пенитенциарные учреждения Северо-Запада России 1860–1890-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2009; Мельникова О.С. Нижегородские пенитенциарные учреждения в XVII – 20-х гг. XX в.: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005; Казаченок В.В. Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014 и др.

¹⁹ Алексеев В.И. Тюремная реформа в России 1879 года. М., 2004; Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994; Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995; Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004; Горбунов В.А. Становление и развитие системы исправления и нравственного воспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в XIX – начале XX в. Казань, 2005 и др.

²⁰ Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России / под науч. ред. С.И. Кузьмина. М., 2011; Рассказов Л.П., Упоров И.Я. Тюремные инструкции в Российской империи. Краснодар, 1999; Биюшкина Н.И. Правовое регулирование условий содержания политических преступников в Российской империи в период правления Александра III // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2. С. 140–146 и др.

²¹ Морозов К.Н. Феномен, тенденции развития и трансформации субкультуры российского революционера (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // Социальная история. Ежегодник, 2012 / отв. ред. Н.Л.

индивидуального понимания норм революционной этики от возраста, партийной принадлежности, социального происхождения революционеров. В диссертационном исследовании и монографии Л.А. Колесниковой изучается психология «политического заключения», а также дается авторское понимание «морального кодекса революционера»²². Появление указанных работ способствовало лучшему пониманию психологии межличностного взаимодействия в политической тюрьме.

Подводя итог изучению жизни политических преступников в царских тюрьмах, отметим, что в противовес повышенному интересу ученых к вопросам функционирования сибирской каторги и ссылки, условия тюремной жизни срочных и подследственных «политиков», в том числе на территории Европейской части Российской империи, остаются малоизученными. В то же время наметившийся к началу XXI в. интерес к истории царской политической тюрьмы со стороны юристов, психологов, педагогов и представителей иных научных направлений свидетельствует о многогранности темы, ее междисциплинарном характере.

Целью диссертационного исследования является характеристика особенностей повседневной жизни политических арестантов в тюрьмах гражданского ведомства Российской империи в 1879–1917 гг. Поставленная цель диктует выдвижение следующих исследовательских задач:

- оценить место и роль политзаключенных в общем тюремном контингенте страны, проанализировать криминологический, социальный и возрастной состав узников данной категории;
- изучить и охарактеризовать нормативно-правовые акты, регулирующие условия содержания под стражей политических заключенных;
- дать характеристику социальному пространству дореволюционной тюрьмы, определить его основные особенности;
- изучить быт политических арестантов в царских тюрьмах;
- рассмотреть проблему использования свободного времени в тюрьме и выявить главные занятия политзаключенных в условиях тюремного заключения;
- проследить эволюцию режимных установлений в политической тюрьме, выявить особенности применения к арестантам дисциплинарных санкций;
- изучить наиболее типичные стратегии поведения заключенных, определить связь таких стратегий с адаптационными процессами в тюрьме;
- выявить специфику межличностных взаимоотношений в коллективе политзаключенных.

Источниковая база исследования разнообразна и включает как опубликованные, так и неопубликованные документы. В диссертации были

Пушкарева. СПб., 2013. С. 147–175; Его же. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. // Человек и личность в истории России: конец XIX – XX в.: материалы международного colloquium. СПб., 2013. С. 134–148; Его же. Нужно научиться понимать мир российского революционера // Российская история. 2014. № 1. С. 166–172.

²² Колесникова Л.А. Эволюция карательной политики царизма в борьбе с освободительным движением России второй половины XIX в. (по материалам источникового комплекса журнала «Каторга и ссылка»): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1997; Ее же. Народническая мемуаристика (по материалам источникового комплекса журнала «Каторга и ссылка»). Н. Новгород, 1999.

использованы материалы восьми федеральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), Государственного архива Орловской области (ГАОО). Первая группа источников – нормативно правовая документация, представленная в том числе неопубликованными материалами²³. Помимо общеимперских актов уголовного и пенитенциарного законодательства в эту группу входят циркуляры Министерств внутренних дел и юстиции о политических арестантах, а также местные инструкции, регулировавшие правила внутреннего распорядка в отдельных крупных тюрьмах.

Обширна и разнообразна по своему составу делопроизводственная документация. Сведения по административно-хозяйственной части тюрем, статистическая информация, а также данные о происшествиях в различных местах заключения содержатся в 122-м фонде ГА РФ (Главное тюремное управление). Важные сведения содержатся в фондах федеральных и региональных архивов, хранящих документы отдельных тюрем: Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей²⁴, Московской центральной пересыльной (Бутырской) и Московской губернской (Таганской) тюрем²⁵, Ярославского временно-каторжного центра²⁶, Казанской пересыльной тюрьмы²⁷. Особенности функционирования уездных тюрем можно проследить по материалам фондов губернских тюремных инспекций ГАОО и ГАЯО, а также фонда тюремного отделения Казанского губернского правления НА РТ²⁸. Некоторая часть делопроизводственной документации отложилась в фондах личного происхождения РГАСПИ²⁹. Анализ материалов делопроизводства позволяет с наибольшей полнотой реконструировать бытовую сферу арестантской повседневности, а также выявить особенности взаимодействия «политиков» с чинами администрации.

Третья и наиболее обширная группа источников представлена эго-документами. Основную их массу составляют труды самих политзаключенных, написанные в дореволюционный и ранний советский периоды. В диссертационном исследовании было использовано более 70-ти отдельно изданных воспоминаний бывших политических узников о царской тюрьме и каторге, а также 11 специализированных мемуарных сборников. Кроме того, было привлечено значительное число воспоминаний, написанных участниками революционного движения и опубликованных на страницах периодических изданий. По целому ряду вопросов внутренней жизни политической тюрьмы и

²³ ГА РФ. Ф. 98; ЦГАМ. Ф. 623.

²⁴ РГИА. Ф. 1280; ГА РФ. Ф. 98.

²⁵ ЦГАМ. Ф. 623, 628.

²⁶ ГАЯО. Ф. 338.

²⁷ НА РТ. Ф. 389.

²⁸ ГАОО. Ф. 881; ГАЯО. Ф. 335; НА РТ. Ф. 2.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 85, 86, 87, 91, 135, 325.

каторги такие воспоминания являются единственным источником. К примеру, лишь они с наибольшей полнотой способны раскрыть проблему взаимоотношений в тюремном коллективе. Привлечение мемуаров полицейских чиновников, государственных и общественных деятелей (П.Г. Курлова, В.Ф. Джунковского, П.П. Заварзина, А.В. Герасимова, А.И. Спиридовича и др.) позволило органично вписать изучаемую проблематику в более широкий контекст борьбы самодержавия с революционным движением. Значительная часть эго-документов не опубликована. Речь идет, прежде всего, о прошениях и письмах политических узников. Тюремные прошения являлись для арестантов одним из ключевых орудий отстаивания своих интересов. Прощения могли содержать различные жалобы, просьбы об улучшении бытового обеспечения, о переводе в другие места заключения, о помиловании и т.д. Тюремные письма политзаключенных (некоторая их часть опубликована³⁰) содержат большой пласт рефлексии, интересные наблюдения и обобщения. Анализ прошений и писем позволяет выявить личные переживания авторов, оценить общий культурный уровень контингента «политиков». Особую подгруппу эго-документов составляют тюремные тетради, предназначенные для занятий письменными работами. В диссертации было использовано 9 подлинных тюремных тетрадей, принадлежавших видным революционерам (М.С. Ольминскому, Я.М. Свердлову, Г.К. Орджоникидзе, С.И. Полидорову³¹), которые в разные годы отбывали тюремное заключение или каторгу в местах заключения Европейской России. Такие тетради содержат подчас уникальную информацию о занятиях и дневном распорядке узников.

Четвертая группа источников представлена фотодокументами. В исследовании использовались групповые и индивидуальные фотографии политических преступников в тюрьмах, опубликованные, главным образом, в художественно-литературном журнале «Искры» (приложении к газете «Русское слово»). В пятую группу объединены материалы справочного характера: тюремные календари и пособия для чинов тюремного ведомства, словари тюремного жаргона, стенографические отчеты с заседаний Государственной Думы и т.д. Шестая группа – материалы периодической печати дореволюционного и раннего советского периода. В журналах «Каторга и ссылка» и «Былое» публиковались воспоминания участников революционного движения. Текущие сведения о событиях в тюремной сфере содержатся в газете «Право» и журнале «Тюремный вестник». В диссертации также использовались отдельные статьи из журналов «Вестник права», «Русское богатство», «Журнал министерства юстиции». Источниковая база исследования обладает репрезентативностью и позволяет решить поставленные в диссертации задачи.

Методологическая основа диссертационного исследования. Настоящее исследование построено на базовых принципах историзма и научной объективности. Для сравнения источникового потенциала мемуаров и неопубликованных источников использовался историко-сравнительный метод. Историко-генетический метод позволил проследить процесс изменения

³⁰ Артем (Ф.А. Сергеев). Статьи, речи, письма. М., 1983; Созонов Е.С. Письма Егора Созонова к родным 1895–1910 гг. / ред. Б.П. Козьмина и Н.И. Ракитникова. М., 1925 и др.

³¹ РГАСПИ. Ф. 91. Оп. 1. Д. 7–11; Ф. 86. Оп. 1. Д. 1–2; Ф. 85. Оп. 3. Д. 67; ГАЯО. Ф. 338. Оп. 2 а. Д. 79.

режимных особенностей тюрем на протяжении последней четверти XIX – начала XX вв. Историко-антропологический метод был необходим для воссоздания конкретно-исторического портрета политического арестанта с учетом особенностей тюремной среды. Историко-типологический метод использовался для выделения устойчивых стратегий поведения политзаключенных в рамках процесса тюремной адаптации. В диссертации применялись методы междисциплинарного синтеза. Герменевтический метод был необходим для интерпретации рефлексии политических арестантов, выраженной в текстах различного уровня. Использование просопографического метода позволило представить «политиков» в качестве коллективного субъекта, изучить присущие ему криминологические, социальные, психологические характеристики. В качестве теоретического положения в работе использовалась концепция микроистории. Тюрьма при этом рассматривалась как разновидность тотальных институтов, что предопределило взгляд на тюремные будни политических преступников как на экстремальную форму повседневности. При характеристике сущности понятия «повседневность» была задействована концепция жизненного мира А. Шюца³². В работе также была использована концепция социального пространства П. Бурдьё³³.

Терминология и понятийный аппарат.

Для устранения противоречий в понимании отдельных понятий необходимо уточнить терминологический аппарат диссертации.

Политические заключенные – лица различных политических убеждений, которые отбывали в тюрьмах гражданского ведомства назначенное по суду наказание, либо находились под следствием по делам о преступлениях, совершенных по политическим мотивам. Политзаключенными также считались административно-ссылные и пересыльные арестанты, если в вину им вменялось совершение преступлений политического свойства.

Тюремный режим – совокупность правил внутренней организации тюремного времени и пространства, которые были санкционированы местным тюремным начальством и определяли существующий в тюремном учреждении распорядок дня, систему льгот и поощрений для арестантов, специфику применения дисциплинарных санкций, а также особенности взаимоотношений между узниками и служащими тюремного штата.

Криминальная субкультура – «обработанная преступным миром под себя система искаженных человеческих ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, способствующих организованности (управляемости) преступными группами и сообществами»³⁴. В диссертации речь идет о специфичной революционной субкультуре (субкультуре революционеров), имеющей криминальное происхождение и ярко проявившейся на каторге и в тюрьмах.

Тюремная субкультура – «совокупность ценностей и норм, преимущественно неписаных, структурирующих взаимодействия между

³² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 344–345.

³³ Бурдьё П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007. С. 53–54.

³⁴ Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 46.

находящимися в заключении людьми»³⁵. В диссертации данное понятие употребляется в общем смысле, а также для обозначения субкультуры уголовных заключенных в противовес криминальной субкультуре революционеров.

Моральный кодекс революционера – «совокупность правил революционной этики и требований политических организаций к поведению своих членов»³⁶. Моральный кодекс рассматривается в диссертации в качестве идеологической основы криминальной субкультуры революционеров.

Самоорганизация заключенных – неформальная организационно-управленческая структура, включающая сложную пирамиду взаимоотношений между заключенными и возглавляемая профессиональными преступниками, стоящими на высшей ступени криминальной иерархии³⁷.

Тюремное пространство (социальное). В широком смысле, который имелся в виду при написании первой главы диссертации, под тюремным пространством понимается пространство российской пенитенциарной системы в целом, включающее совокупность тюремных учреждений различного вида, а также систему управления тюрьмами в центре и на местах. Узкое значение данного понятия было использовано во второй и третьей главах диссертации. Здесь под социальным пространством тюрьмы разумелось пространство конкретного тюремного замка, включающее элементы его внутреннего устройства, а также сложившуюся систему отношений между арестантами, тюремной администрацией и служащими тюремного штата.

Пространство тюремной повседневности. Данное понятие в диссертации было использовано для обозначения естественной среды, в которой политические узники организовывали свою каждодневную жизнь. Представляется, что для арестанта пространство повседневности носит дуалистический характер. С одной стороны, это пространство актуальное, ограниченное пределами тюремного учреждения, а с другой – пространство потенциальное, расположенное за воротами тюрьмы. Потенциальное пространство характеризуется иным восприятием времени и актуализируется для узников посредством свиданий, переписки и иных легальных и нелегальных связей с волей.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что она является первым в отечественной историографии обобщающим трудом по повседневности политических заключенных периода поздней Российской империи. Исследование проводилось на материалах ряда каторжных централов, губернских и уездных тюрем Европейской части страны, а также главных политических тюрем – Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. Выход за пределы узкой географической привязки позволил расширить границы исследования, проследить особенности режимных установлений в

³⁵ Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Полис. Политические исследования, 2001. № 2. С. 40.

³⁶ Колесникова Л.А. Эволюция карательной политики царизма в борьбе с освободительным движением России второй половины XIX в. (по материалам источникового комплекса журнала «Каторга и ссылка»): дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1997. С. 166–167.

³⁷ См.: Кутякин С.А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2012. С. 51, 74.

тюрьмах различного профиля. Привлечение широкого круга источников, значительная часть которых впервые введена в научный оборот, позволило сконцентрировать внимание на таких специфичных проблемах арестантской повседневности, как процесс тюремной адаптации, выбор способов противостояния административному нажиму и притеснениям со стороны тюремщиков, организация свободного времени в условиях изоляции и т.д.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть полезны для дальнейшего научного анализа карательной политики самодержавия в конце XIX – начале XX вв. Основные положения в выводы диссертации могут быть использованы для разработки общих и специальных учебных курсов по истории российского революционного движения и пенитенциарной системы Российской империи, а также в ходе преподавания учебной дисциплины «Пенитенциарная психология».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Российское пенитенциарное законодательство о политических арестантах, окончательно оформившееся лишь к 1886 г., имело поверхностный характер, постоянно дополняясь и уточняясь циркулярными распоряжениями ГТУ, которые ввиду отсутствия необходимых условий на местах далеко не всегда могли быть реализованы на практике. В результате на условия содержания под стражей политических узников, помимо пенитенциарного статуса и сословной принадлежности последних, в значительной степени влияла политика местной тюремной администрации.

2. Политзаключенные даже в период обострения революционной ситуации составляли относительно небольшой процент контингента тюрем Российской империи (согласно подсчетам автора диссертации – около 5% в начале XX в.). Особенно это касалось небольших уездных мест заключения, где «политики» содержались редко. Большую часть политических арестантов составляли лица, находившиеся под следствием и судом, высланные административным порядком, либо взятые под стражу до выяснения их политической благонадежности.

3. Осуществление тюрьмой исправительной функции в отношении политических заключенных не предусматривалось в строгом значении слова. Вместо этого стратегия борьбы государства с политической преступностью подразумевала глухую изоляцию таких лиц и сглаживание различий между ними и общеуголовными арестантами.

4. «Политики», содержащиеся на предварительном заключении или отбывавшие в тюрьмах срочное наказание, имели на практике ряд льгот по сравнению с общеуголовными арестантами. Это проявлялось, прежде всего, в вопросах питания, занятий письменными работами, пользования книгами и т.д. Наличие в тюрьмах мягкого режима еще более увеличивало число режимных послаблений для политических арестантов. К примеру, во многих местах заключения вследствие слабости надзора двери камер «политиков» порой вовсе не закрывались, и узникам предоставлялась возможность свободно перемещаться по тюремному зданию. Это создавало благодатную почву для подготовки побегов.

5. Каторга вплоть до 1917 г. оставалась главным оружием самодержавия в борьбе с революционным движением. Политические каторжане были лишены значительной части льгот, которыми пользовались срочные и подследственные «политики». Жесткий режим политической каторги, установившийся после подавления Революции 1905–1907 гг., включал целый ряд ограничений и карательных санкций. Мелочная регламентация всех сторон жизни на каторге, слабая организация тюремных работ, широкое применение телесных наказаний и регулярные случаи избиений политкаторжан делали жизнь последних подчас невыносимой, что вело к высокому уровню смертности и увеличению числа душевнобольных.

6. Огромное значение в жизни политической тюрьмы имела артельная и коммунальная самоорганизация, которая существовала почти везде, где было возможно установить сообщение между заключенными. Артели и коммуны «политиков», возглавляемые выборными старостами, решали все насущные проблемы тюремного коллектива. Демократические тенденции, ярко проявлявшиеся в деятельности арестантских сообществ, оказывали несомненное положительное влияние на жизнь политической тюрьмы, гарантируя ее членам равенство и взаимную поддержку перед лицом режимных ограничений и административного гнета. В то же время «тюремная демократия» косвенно способствовала межличностной и межгрупповой борьбе в среде политзаключенных, обостряя имеющиеся противоречия между членами коллектива.

7. К концу XIX в. в общих чертах происходит оформление психологии политического заключения. Ключевую роль в этом играли нормы революционной субкультуры. Руководствуясь в своей повседневной жизни принципами уживчивости, взаимопомощи и саморазвития, сохраняя высокую самооценку, политические узники оправдывали негласный статус наиболее прогрессивной части царской тюрьмы и, как правило, успешно решали проблемы общежития. Тюремное начальство же, в свою очередь, было вынуждено считаться с требованиями «политиков».

8. Личный состав политической тюрьмы, традиционно отличавшийся неоднородностью, в начале XX в. в значительной степени подвергается размыванию. Это было обусловлено присутствием в среде политзаключенных значительной доли случайного элемента, а также приходом в «политику» полууголовной волны в годы Революции 1905–1907 гг. Плохо знакомые с принципами революционной этики, новые члены политической тюрьмы испытывали порой значительные трудности с адаптацией к тюремному коллективу и нередко демонстрировали поведение, в большей степени характерное для уголовной среды.

9. Тюремное заключение рассматривалось многими политзаключенными как очередной этап борьбы с самодержавием, олицетворением которого являлась местная тюремная администрация. Тюремная борьба политических арестантов и каторжан имела своей целью защиту личного достоинства узников, а также улучшение условий содержания под стражей. В зависимости от степени строгости тюремного режима такая борьба велась пассивными (прошения, устные протесты, голодовки), либо активными (обструкции, бунты,

тюремный террор и т.д.) средствами. Использование тех или иных средств борьбы с режимом находилось в непосредственной связи с используемой конкретным арестантом моделью социальной адаптации.

Апробация работы. Основные положения, выводы и промежуточные результаты исследования изложены в десяти публикациях (три из них – в журналах из перечня ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации), в том числе двух всероссийских конференциях «Платоновские чтения» (Самара, 2012, 2013) и одной международной научно-практической конференции «Новая наука: стратегии и векторы развития» (Челябинск, 2016).

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность работы, определяются ее цель и задачи, объект и предмет, территориальные и хронологические рамки. Здесь же раскрывается методология исследования, анализируется степень научной разработанности темы, характеризуется источниковая база. Выявляется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, выделяются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Политические заключенные в российской пенитенциарной системе последней четверти XIX – начала XX вв.» выявляются ключевые особенности имперской пенитенциарной системы в пореформенный период, отмечается место, занимаемое в ней политическими заключенными, а также анализируется комплекс актов пенитенциарного законодательства об узниках данной категории.

В первом параграфе «Пенитенциарная система Российской империи: общая характеристика и анализ особенностей» рассмотрены особенности и проблемы российской пореформенной пенитенциарной системы. В ходе проведения тюремной реформы 1879 г. была упорядочена система управления тюрьмами в центре и на местах, а также оптимизирована лестница наказаний. Руководящим органом пенитенциарной системы стало Главное тюремное управление (ГТУ), действовавшее первоначально под эгидой МВД, а с 1895 г. – министерства юстиции. Местное управление тюрьмами было закреплено за губернаторами и губернскими тюремными инспекциями. Пенитенциарная система страны к концу XIX в. включала в себя тюрьмы общего устройства (губернские, уездные, областные), исправительные арестантские отделения (ИАО), каторжные централы, пересыльные тюрьмы, помещения для отбывания ареста, воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних³⁸. Особый статус имели Петропавловская и Шлиссельбургская крепости.

Внедрение в пенитенциарную практику перспективных новшеств затянулось на десятилетия, а преобразования в наименьшей степени затронули жизнь самих мест заключения. Решение проблем внутреннего распорядка в тюрьмах постоянно откладывалось до лучших времен. Надлежащему исполнению на местах распоряжений ГТУ препятствовало недостаточное

³⁸ Учреждения двух последних видов в диссертации затронуты не были.

финансирование тюремной сферы, несоответствие требований тюремного закона местным условиям. Результатом стало повсеместное переполнение тюрем, ухудшение их физического состояния и санитарной обстановки. Престиж службы по тюремному ведомству оставался низким. Личный состав тюремной администрации и надзирательского корпуса комплектовался по остаточному принципу, в том числе из лиц, не имевших необходимых знаний и опыта, что влекло за собой грубые режимные нарушения. В большей степени декларативный характер носила исправительная миссия тюрем. Этому способствовало отсутствие в законе четких критериев к «нравственному исправлению» узников, невнимание к личности отдельно взятого арестанта, а также применение унижительных дисциплинарных мер.

Во втором параграфе «Политические заключенные: общая характеристика социальной группы» анализируется криминологический, социальный, возрастной состав политзаключенных, отмечается их место в тюремном контингенте страны.

При характеристике политической преступности в диссертации был использован мотивационный подход, предполагающий наличие у преступников политической мотивации. На практике такая мотивация могла быть усмотрена властями в самых различных противоправных деяниях (от аграрных беспорядков и распространения нелегальной литературы до экспроприаций и террористических актов), которые на основе тех или иных признаков фактически приравнивались к «государственным» преступлениям. В некоторых случаях тюремные чиновники испытывали серьезные трудности с определением политического или общеуголовного статуса заключенного. Сколько-нибудь полной статистики, отражающей движение политзаключенных в тюрьмах Российской империи, не существует. Согласно имеющимся данным, в середине 1904 г. среднее число содержащихся под стражей политических узников по губерниям составляло 33 человека, в то время как численность тюремного контингента страны в конце XIX – начале XX вв. приближалась к цифре в 100000 человек. Центрами сосредоточения политических узников были крупные губернские тюрьмы и каторжные централы. Наибольшее число политзаключенных составляли молодые мужчины в возрасте до 30 лет. К началу XX в. происходит общее снижение идейного уровня политической каторги и тюрьмы. На фоне роста числа массовых арестов увеличивается доля «случайного элемента» среди «политиков». Растет численность революционных радикалов, совершающих уголовные преступления под прикрытием политической риторики. Все это приводит к резкому снижению представительства лиц привилегированных сословий в политической тюрьме.

Разношерстный характер контингента политической тюрьмы отражает предложенная автором диссертации типология российских политических заключенных позднеимперского периода. В ее основу был положен такой важный признак, как степень идейной направленности личности преступников против царского самодержавия. Сама типология включает три группы лиц:

1) профессиональные революционеры и идейные противники существующего общественного строя;

2) арестанты со средней степенью идейной направленности личности против царского самодержавия (революционные радикалы «новой волны», лица, сочувствующие революционным идеям и прямо или косвенно участвующие в революционном движении);

3) арестанты с низкой степенью идейной направленности личности против царского самодержавия (подозреваемые в политической неблагонадежности, жертвы ложного обвинения, а также все вообще узники, не являющиеся членами антиправительственного лагеря).

Представителей первой группы заключенных можно с определенностью считать носителями революционной субкультуры. К ним, вероятно, примыкали некоторые арестанты, представляющие вторую группу. Пропорциональное соотношение между тремя выделенными группами было подвержено постоянным изменениям, находясь в зависимости от текущей социально-политической ситуации в стране. Тем не менее, есть основания полагать, что идейные революционеры составляли в политической тюрьме большинство.

В третьем параграфе «Возникновение и эволюция пенитенциарного законодательства о политических арестантах» рассматривается комплекс уголовно-исполнительных актов, регламентировавших отбывание наказания политическими узниками. Система актов пенитенциарного законодательства, сложившаяся к середине XIX в., включала Уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных, а также «Инструкцию смотрителю губернского тюремного замка». Специальных указаний о политических арестантах эти акты не содержали. Это свидетельствует о том, что законодатель изначально не предусматривал для «политиков» каких-либо привилегий. Впервые нормы по содержанию политических преступников появляются в местных тюремных инструкциях, в частности, в «Инструкции для временного содержания политических арестантов в Московской центральной пересыльной тюрьме» (1881 г.) и в «Инструкции по управлению Шлиссельбургской тюрьмой» (1884 г.). Некоторые вопросы содержания «политиков» регламентировались циркулярами ГТУ, исполнение которых всецело зависело от местных условий.

В 1886 и 1904 гг. с санкции министров внутренних дел и юстиции соответственно издаются общеимперские «Правила» о порядке содержания под стражей политических арестантов. Данные «Правила» регламентировали широкий круг вопросов тюремной жизни. «Политиков» предписывалось содержать под бдительным надзором, отдельно от остальной части тюремного контингента. Устанавливался наиболее мягкий режим для лиц, состоящих под следствием и отбывающих административное наказание. Положение же срочных «политиков» фактически приравнивалось к положению уголовных заключенных. Сказанное было закреплено циркуляром ГТУ № 17 от 20 июля 1907 г., который предписывал считать политическими лишь арестантов, состоящих под следствием и судом. Тем не менее, попытка полностью стереть грань между политическими и уголовными узниками не могла иметь успех. На тюремную жизнь «политиков» немалое влияние оказывал сословный фактор, что было характерно для пенитенциарной системы в целом. Наиболее тяжелым было положение политических каторжников. На практике каторжные работы для «политиков» становились простым длительным заключением в тюрьмах с

очень жестким режимом. Из тюрем европейской России политкаторжане, как правило, не выходили в «вольную команду»³⁹. Все каторжане содержались в кандалах и подвергались телесным наказаниям за проступки.

Вторая глава «Тюремное пространство и бытовой фон арестантской повседневности» посвящена характеристике тюремного пространства, проблемам арестантского быта и организации свободного времени узников.

В первом параграфе «Социальное пространство тюрьмы и его восприятие заключенными» раскрывается структура и сущность социального пространства дореволюционной тюрьмы. Арестантская повседневность начиналась для политических преступников с принятия их в тюремное учреждение. В ходе процедуры «приемки» все узники обыскивались, проходили медицинский осмотр, мылись в бане и распределялись по камерам. Срочные арестанты и каторжане получали казенную одежду, которую были вынуждены носить во время заключения. Личные вещи, деньги и документы узников подлежали описи и хранились при тюремной конторе. В число структурных единиц тюремного пространства входили общие и одиночные арестантские камеры, карцеры, конторы, дворики для прогулок, коридоры, комнаты для свиданий, а также тюремные церкви и больницы. Анализ арестантских воспоминаний позволил определить, что самоощущение арестантов чаще всего характеризовалось мечтательностью, чувством стирания индивидуальности и неуверенности в завтрашнем дне, причем это могло проявляться даже в случае наличия в тюрьме сносного режима. Взаимоотношения политических узников с начальством и надзирателями могли складываться различным образом. Спокойное и даже сочувственное отношение тюремщиков к «политикам» часто сменялось жесткими санкциями и откровенным произволом.

Во втором параграфе «Распорядок дня в тюрьме как организационная основа арестантской повседневности» речь идет о системной и в определенном смысле универсальной части тюремного режима – распорядке дня арестантов. По утрам узники рано вставали на поверку, умывались и убирали свои камеры. Ежедневно утром и вечером произносилась общая молитва, которую должны были читать все, независимо от конфессиональной принадлежности. Кроме того, в тюрьмах соблюдались церковные посты и отмечались религиозные праздники, что вызывало в среде «политиков» протестные настроения. Одной из важнейших льгот подследственных и административных «политиков» было право питаться за свой счет. Такое право могло быть даровано и срочным политзаключенным с разрешения начальства. Отдельный стол мог быть организован для узников как в частном порядке, так и на коммунальных началах – через общую кассу. Каторжане были вынуждены питаться за счет казенного пайка. Питание в царских тюрьмах было двухразовым: кроме обеда и ужина все узники получали кипяток для чая и хлебные порции. В Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях существовали собственные продовольственные раскладки. Узники могли дополнительно улучшать питание, делая выписку продуктов из существующих при тюрьмах лавок. Здесь же можно было приобретать разрешенные

³⁹ Особый разряд каторжников, которым за хорошее поведение разрешалось жить вне тюрьмы.

хозяйственные товары. Разнообразить арестантский день были призваны ежедневные прогулки в тюремном дворе, а также свидания с родственниками, получившими на то специальное разрешение. Благодаря попустительству тюремного начальства политических узников нередко посещали друзья и соратники, а также представители Политического Красного Креста. Важной стороной арестантской жизни были получаемые с воли передачи. Несмотря на существующие ограничения объема и содержания передач, в тюрьмы часто попадали различные запрещенные предметы: табак, спички, бумага, карандаши, пища в готовом виде и др. День завершался вечерней поверкой. На ночной сон узникам обычно отпускалось не менее 7 и не более 8 часов.

Третий параграф «Свободное время политзаключенных и особенности его использования» посвящен вопросам заполнения узниками имеющегося в обилии «свободного» времени. В диссертации досуг рассматривается как составная часть повседневности. При этом в отношении тюрьмы уместнее говорить о свободном времени узников. Его компонентами можно считать рутинное времяпрепровождение, время на игры и развлечения, а также время для саморазвития. К области «рутины» было отнесено украшение камер и различные виды физической активности. Данные занятия имели ярко выраженный психологический подтекст, позволяя заключенным расслабиться и отвлечься от грустных мыслей. Большое значение в жизни политической тюрьмы имели игры и развлечения, которые могли быть комнатными и уличными, подвижными и «настольными». Неизменной популярностью пользовались импровизированные спектакли, пение и танцы.

Значительную часть своего времени политзаключенные стремились уделять саморазвитию. В чтении книг и занятиях науками многие видели реальную возможность не только улучшить свое образование, но и подготовиться к дальнейшей революционной борьбе на воле. Тюремные библиотеки часто не отвечали вкусам «политиков», поэтому большинство книг узники получали с воли – как через тюремную контору, так и нелегально. Все поступающие в тюрьмы книги подлежали просмотру со стороны лиц прокурорского надзора. С 1882 по 1904 гг. существовал официальный запрет на чтение «политиками» любых газет и журналов. Тем не менее, периодические издания регулярно попадали в тюрьмы через сочувствующих надзирателей. С 1886 г. «политикам» официально было разрешено заниматься в тюрьмах письменными упражнениями, для чего им выдавалась специальные тетради и карандаши. Все арестантские записи регулярно просматривались тюремщиками. Многие политические арестанты не только конспектировали прочитанные книги и упражнялись в занятиях языками, но и вели дневники, занимались литературным и научным творчеством. Популярностью пользовались учебные занятия в форме уроков, лекций, диспутов, а также редактирование рукописных журналов («тюремная журналистика»).

Третья глава «Режимные особенности и система социального взаимодействия в политической тюрьме» посвящена вопросам адаптации политзаключенных к режиму заключения и вынужденному окружению, а также системе межличностного взаимодействия в арестантской среде. *В первом параграфе «Эволюция режима содержания политических арестантов в конце*

XIX – начале XX вв.» рассматривается специфика режима российских тюрем в изучаемый период. Режим содержания политзаключенных отличался динамичностью и сильно зависел от политической конъюнктуры в стране. В конце XIX в. тюрьмы именовались в революционной среде «санаториями» и «гостиницами». В условиях кратковременности срока заключения, отсутствия или слабого развития тюремных работ, а также наличия многочисленных льгот политические узники довольно легко переносили жизнь за решеткой. После революции 1905–1907 гг. начался процесс «завинчивания» тюрем. Показателем ужесточения режима стало распространение практики совместного содержания политических и уголовных узников, усиление надзора, рост применения телесных наказаний на каторге, увеличение случаев физического насилия над «политиками». Несмотря на наличие многочисленных свидетельств об избиениях политкаторжан в эпоху столыпинской реакции, выяснить масштабы этого явления непросто, ибо материалы, свидетельствующие о распространении любых форм насилия в тюрьмах в 1880–1890-х гг. крайне немногочисленны. В то же время известны отдельные случаи убийств политзаключенных в тюрьмах в начале XX в. Дисциплинарные взыскания в местах заключения чаще всего принимали форму карцерного заключения, лишения права переписки, свиданий, чтения книг. Ситуацию осложняла неудовлетворительная санитарная обстановка и низкое качество медицинского обслуживания, вследствие чего росла заболеваемость и смертность среди заключенных.

В параграфе был рассмотрен феномен тюремного праздника. На примере царской политической тюрьмы было выявлено, что в условиях тюремной изоляции грань между обыденностью и праздником неизбежно размывается. Большинство официальных праздников (в первую очередь, церковных) не обладали в глазах «политиков» ни символизмом, ни сакральным смыслом, сохраняя лишь узкое практическое значение. Общегражданские же праздники часто превращались в совершенно обыденное времяпрепровождение, а их влияние на жизнь заключенных было незначительным.

Второй параграф «Особенности социальной адаптации политических арестантов в царских тюрьмах» посвящен вопросам адаптации политзаключенных к тюремному режиму. Процесс тюремной адаптации рассмотрен с позиций современной пенитенциарной психологии. Целью социальной адаптации является максимальное облегчение условий жизни в заключении. На процесс адаптации влияли как объективные (вид и срок наказания, строгость режима), так и субъективные (пол, возраст, характер заключенного) факторы. К числу основных средств адаптации, используемых политическими узниками, относились творческие занятия, чтение, живое общение, мечты, борьба за личное достоинство и др.

Главное место в параграфе занимает авторская концепция адаптационного поведения политзаключенных. Автором были выделены три модели адаптации: активная, пассивная и неопределенная. Применимость каждой из указанных моделей на практике зависела как от личности самого арестанта, так и от режимных особенностей мест заключения. Все модели различались по характеру применяемых средств воздействия на неблагоприятно складывающиеся обстоятельства тюремной жизни. В случае с пассивной

моделью речь шла о принятии большинства требований начальства с целью добиться каких-либо выгод, либо безболезненно дождаться окончания срока заключения. В рамках данной модели использовались преимущественно мирные средства борьбы (прошения, устные заявления). Активная адаптационная модель, напротив, подразумевала использование конфронтационных мер борьбы. К числу таких мер можно отнести голодовки, бойкоты, обструкции, бунты, тюремный террор, а также организацию побегов. Неопределенная модель, как правило, не являлась плодом осознанного выбора арестантов. Характерное для нее поведение было вызвано влиянием различных социально-психологических факторов: чувством вины за совершенное преступление, разочарованием в революционной идее, потерей здоровья, крахом надежд на освобождение и т.д. Наиболее яркими проявлениями неопределенной модели были душевные заболевания и самоубийства. Нередко адаптационное поведение «политиков» было достаточно вариативным, а поведенческие стратегии, характерные для выделенных моделей, комбинировались в различных пропорциях.

Третий параграф «Специфика социального взаимодействия в среде политических арестантов» раскрывает суть социально-психологической адаптации в тюрьме, то есть приспособления к жизни в тюремном коллективе. Важнейшее влияние на жизнь политической тюрьмы оказывали нормы криминальной субкультуры. Неписанные правила морального кодекса требовали от революционеров сохранять в тюрьме личное достоинство. Ключевую роль играла идея о том, что тюрьма за политическое преступление не унижает, а наоборот, возвышает личность. Нормы субкультуры требовали от «политиков» развивать в себе уживчивость, умение сдерживать себя и идти на уступки ради успеха общего дела. Следование данным нормам обеспечивало успех адаптации в коллективе. Случаи девиантного поведения «политиков» (буйство, кражи, разврат, пьянство) слабо отражены в источниках. Однако, по всей видимости, они были рядовым явлением, в особенности на каторге. Арестантские товарищества (артели и коммуны) могли существовать как в масштабах всей тюрьмы, так и в рамках отдельно взятых камер. Все товарищества строились на прочной демократической основе, чему способствовало отсутствие у «политиков» кастового строя. Роль каст выполняли партийные фракции, имевшие прочные связи между своими членами. Сообщества «политиков» всегда декларировали терпимость к вопросам партийной, национальной и конфессиональной принадлежности. Это должно было свести к минимуму практику самоизоляции личности и поиска покровительства у лидеров уголовного мира, либо у тюремного начальства. Лица, демонстрировавшие подобные формы адаптационного поведения, становились врагами коллектива и преследовались. Все внутригрупповые конфликты становились личным делом коллектива и не выносились на суд тюремной администрации. Внутренним подтекстом межпартийной борьбы в политической тюрьме было стремление составить большинство коллектива и получить контроль над его деятельностью. В подобных условиях каждая фракция вела активную пропаганду своих идей и демонстрировала враждебность в отношении конкурентов. Важнейшее значение имело

установление социальных контактов между арестантами. Широкое распространение получили системы «немой азбуки» (перестукивание), «воздушной почты», передачи записок. Тщательным образом велись переговоры с волей, для чего широко использовалась помощь сочувствующих надзирателей, адвокатов, связных.

В Заключении подводятся итоги работы. Изучение тюремной жизни политических преступников позволило выявить следующие закономерности:

- Длительное время условия содержания политических арестантов в тюрьмах не были четко определены в законодательном порядке, что приводило к различным практическим трудностям. Обычным явлением было предоставление «политикам» тех или иных режимных послаблений. Это было обусловлено различными факторами, в том числе банальным страхом тюремщиков перед революционерами.

- С конца XIX в. пенитенциарная политика страны характеризовалась стремлением нивелировать различия в положении политических и уголовных заключенных. Последнее касалось не только каторжан, но и срочных «политиков». Однако реализовать подобную инициативу на практике в полной мере не удалось. Ситуация на местах плохо контролировалась из центра, в результате условия содержания политических арестантов могли сильно отличаться от тюрьмы к тюрьме. Наибольшие трудности политзаключенные испытывали в каторжных тюрьмах, где после революции 1905–1907 гг. установился очень жесткий режим.

- Криминальная субкультура привносила в жизнь политической тюрьмы нормы и ценности, принятые революционной среде. Эти ценности могли восприниматься даже лицами, далекими от революционного движения. В начале XX в. в политической тюрьме увеличивается доля полууголовного элемента. Такие арестанты часто демонстрировали несвойственное для «политиков» поведение, вставали на путь предательства и провокации. Тем не менее «ядро» политической тюрьмы всегда составляли убежденные революционеры. Их солидарность и настойчивость в отстаивании личного достоинства вызывали сочувствие не только прогрессивной общественности, но и некоторых тюремщиков, оказывавших узникам те или иные услуги за деньги, либо даже бескорыстно.

- Содержание под стражей в царских тюрьмах было для политзаключенных не просто потерянным для жизни временем, периодом разочарований и глубоких душевных переживаний: для многих оно также было временем подготовки к будущей революционной борьбе на свободе. Именно поэтому время заключения «политики» часто стремились посвятить улучшению своего образования, чтению революционной литературы, и даже написанию мемуарных, художественных и научных трудов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора

***Публикации в рецензируемых журналах, определенных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации:***

1. Шебалков, С.В. Тюрьма в России в конце XIX – начале XX века и ее

исправительное значение / С.В. Шебалков // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, № 3. – С. 111–120. – 0,83 п.л.

2. Шебалков, С.В. Организационные и правовые аспекты содержания политических арестантов в пересыльных тюрьмах России в 1881–1917 гг. / С.В. Шебалков // История государства и права. – 2015. – № 1 – С. 44–48. – 0,9 п.л.

3. Шебалков, С.В. Проблемы адаптации российских политических заключенных к тюремному режиму в конце XIX – начале XX вв. / С.В. Шебалков // В мире научных открытий. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (63). – С. 46–54. – 0,5 п.л.

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов, материалах конференций:

4. Шебалков, С.В. Государственная преступность в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: общая характеристика, мотивы, статистика / С.В. Шебалков // Платоновские чтения 2012: материалы и доклады XVIII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 7–8 декабря 2012 г.) / Самарский государственный университет; отв. ред. П.С. Кабытов. – Самара, 2012. – С. 77–79. – 0,17 п.л.

5. Шебалков, С. В. Специфика политических преступлений в Российской империи в конце XIX — начале XX вв. и система наказаний за их совершение / С.В. Шебалков // Молодой ученый. – 2013. – № 4 (51). – С. 465–469. – 0,6 п.л.

6. Шебалков, С.В. Организационное устройство мест заключения и система тюремного управления в Российской империи в конце XIX — начале XX вв. / С.В. Шебалков // Молодой ученый. – 2013. – № 10 (57). – С. 456–460. – 0, 57 п.л.

7. Шебалков, С.В. Основные черты российского уголовного судопроизводства по делам политического характера в конце XIX — начале XX вв. (на материалах Казанской судебной палаты) / С.В. Шебалков // Платоновские чтения 2013: материалы и доклады XIX Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 6–7 декабря 2013 г.) / Самарский государственный университет; отв. ред. П.С. Кабытов. – Самара, 2013. – С. 65–68. – 0,15 п.л.

8. Шебалков, С.В. Уездные тюрьмы Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.: организационное устройство и арестантский контингент / С.В. Шебалков // Научный Татарстан. – 2014. – № 3. – С. 79–88. – 0,87 п.л.

9. Шебалков, С.В. Инструкции о политических арестантах в российском пенитенциарном законодательстве 1879–1917 гг. / С.В. Шебалков // Современное общество и право. – 2014. – № 4 (17). – С. 24–31. – 1 п.л.

10. Шебалков, С.В. Казанская центральная пересыльная тюрьма в конце XIX – начале XX вв.: устройство, функции, контингент / С.В. Шебалков // Новая наука: стратегии и векторы развития: международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (Челябинск, 8 декабря 2016 г.): в 3 ч. Ч. 3 / Агентство международных исследований; отв. ред. И.Н. Пилипчук. – Sterlitaмак, 2016. – С. 218–224. – 0,3 п.л.